

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.



ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИССЛѢДОВАНИЯМЪ

5-174

ПРИ УЧАСТИИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

НАЧАТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Θ. КОРША.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. КИРПИЧНИКОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЛАВЯНСКІЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ.—ЗАПАДНО-ЕВРО-
ПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ И ВЪ ВѢКЪ
ПСЕВДО-КЛАССИЦИЗМА.

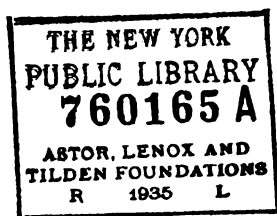
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КАРЛА РИККЕРА.

Невскій просп., д. № 14.

1899.

19
ПРИНТЪ



1485

СОДЕРЖАНІЕ

І-й ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	СТРАН.
НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ <i>П. О. Морозова</i> .	
Литература болгаръ и сербовъ послѣ паденія независимости . .	1
Итальянское возрожденіе на славянской почвѣ.—Дубровницко-дал-	
матинская литература XV—XVII столѣтій	7
Русская литература средняго періода (XIII—XVII столѣтія) . .	16
Чешская литература въ эпоху гуситскаго движенія	35
Дальнѣйшая судьба чешской литературы въ XV столѣтіи	58
Золотой вѣкъ чешской литературы и періодъ ея упадка	68
Польская литература XIV—XVII столѣтій	74
Южно-славянское возрожденіе	87
Западно-славянское возрожденіе	118
Новая польская литература (XVIII—XIX вѣка)	150
Новая русская литература	188
КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ <i>Д-ра</i>	
<i>Перваномаса</i>	204
Время упадка (отъ завоеванія Константинополя до XVIII столѣтія).	207
Подготовительный періодъ (XVIII столѣтія)	215
Возрожденіе	219
Греческая война за освобожденіе и новѣйшее время	224
НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.	
1. Возрожденіе.—Начало гуманизма въ Италіи.—Изученіе	
древнихъ въ средніе вѣка.—Петрарка.—Боккачіо.—Марсильи.—Салю-	
тато.—Хризолоръ. <i>А. Кирпичникова</i>	236
2. Вѣкъ возрожденія въ Италіи. Гуманисты XV в.—Поджіо.—	
Филельфо.—Эней Сильвій.—Валла.—Помпоній Лето.—Поэзія XV в.—	
Братья Пульчи.—Альберти.—Лоренцо Медичи.—Анджело Полиціано.—	
Бенивъени.—Боярдо. Санназаро. <i>А. Кирпичникова</i>	249
3. Итальянская литература XV вѣка. Бенбо.—Кастильоне.—	
Аріосто.—Маккіавелли.—Гвиччардини.—Торквато Тассо. <i>А. Кирпич-</i>	
<i>никова</i>	270

4. Гуманизмъ въ Германіи. „Братья доброй воли“. — Вліяніе Италіи. — Знаменитѣйшіе гуманисты и ихъ борьба съ схоластикой. — Рейхлинъ. — Эразмъ Роттердамскій. — Ульрихъ Гуттенъ. — „Похвала глупости“. — „Письма темныхъ людей“. <i>А. Киртичникова</i>	316
5. Нѣмецкая національная литература отъ начала реформациі до тридцатилѣтней войны. Лютеръ. — Гуттенъ. — Мурнеръ. — Фишартъ. — Церковная пѣснь. — Гансъ Саксъ. — Хроники. — Народныя книжки. <i>П. Морозова</i>	356
6. Испанія и Португалія въ эпоху возрожденія. Вѣкъ Хуана П. — Виллена. — Саптілано. — Хуанъ де Мена. — Испанія въ XVI вѣкѣ. — Босканъ и др. сторонники италіанской школы. Люнсъ де Леонъ. — Эрцилла. — Предшественники Сервантеса. — Монтемайоръ. — Мендоса. — Алеманъ. — Рыцарскіе романы. — Сервантесъ. — Испанская драма. — Селестина. — Лопе де Вега. — Кальдеронъ. — Португалія въ эпоху возрожденія. — Камозанъ. <i>А. Киртичникова</i>	390
7. Франція въ эпоху возрожденія. Италіанскіе гуманисты во Франціи. — Андресини. — Наука. — Этьенъ де Бозси. — Клеманъ Маро. — Рабле. — Начало новой школы. — Дю-Беллей. — Ронсаръ и плеяда. — Монтанъ. <i>А. Киртичникова</i>	442
8. Англійская литература въ эпоху возрожденія. Томасъ Моръ и его Утопія. — Скэзльтонъ. — Линдсэй. — Уайттъ. — Серрей. <i>П. Морозова</i>	460
9. Англійская драма до смерти Шекспира. Сводныя мистеріи. — Моралитѣ. — Интерлюдіи Гейвуда. — Начатки серьезной драмы. — Горбодукъ и др. предшественники Шекспира. — Лилли. — Кидъ. — Марло. — Робертъ Гринъ. — Пиль. — Нашъ. — Лоджъ. — Шекспиръ. <i>Н. Стороженко</i>	475
10. Драматурги, современные Шекспиру. Бенъ-Джонсонъ и его школа. <i>С. Варшскій</i>	579
11. Англійская литература въ періодъ республики и реставраціи. Подъемъ критической мысли. — Религіозное движеніе. — Джонъ Беніанъ. — Мильтонъ. — Начало журналистики. — Политическіе трактаты. — Гаррингтонъ, Сидней, Бакстеръ и Фильмеръ. — Гоббсъ. — Естествознаніе	
Реставрація. Французское вліяніе. — Комическая поэма (Ботлеръ), романъ (Афра Бенъ). — Героическая трагедія. — Комедія (Уичерли). — Политическая литература. — Трагедія. — Отвэй и Драйденъ. <i>Алексѣя Веселовскаго</i>	598
ПСЕВДОКЛАССИЦИЗМЪ.	
12. Французская литература въ эпоху псевдоклассицизма. — Франція при Генрихѣ IV. — Малербъ. — Матуринъ Ренье. — Агриппа д'Обинье. Пастушескій романъ во Франціи (Астрей). — Отель Рамбулье. — Бальзакъ. — Вуатюръ. — Французская Академія. — Театръ въ началѣ XVII ст. — Гарди. — Раканъ. — Мерз. — Парижское общество въ половинѣ XVII вѣка. — Жоржъ Сюдери. — „Маріанна“. — Корнель. — Расинъ. — Буало. — Янсенизмъ. — Паскаль. — Мольеръ. — Лафонтенъ. — Перро. — Романъ XVII ст. — Ларошфуко. — Лабрюйеръ. — Идилія. — Боссюэтъ. — Фенелонъ. <i>А. Киртичникова</i>	653

Къ главѣ 10.

Школа Шекспира. Бомонъ и Флетчеръ. — Фордъ. — Вебстеръ. — Мэссинджеръ. — Марстонъ. — Миддлтонъ. — Деккеръ. — Гейвудъ. — Шерн. — Заключение. *С. Варшера*. 715

13. Нѣмецкая литература въ вѣкѣ академизма и псевдо-классицизма. Тридцатилѣтняя война. — Опицъ. — Первая Силезская школа. — Флемингъ. — Дахъ. — Грифиусъ. — Логау. — Романъ (Цезень, Гриммельсгаузенъ). — Вторая Силезская школа. — Гофмансвальдау. — Логенштейнъ. — Бухгольцъ. — Антонъ Брауншвейгскій. — Циглеръ. — „Государственныя дѣйствія“. — Проповѣдь. — Духовная пѣснь. — Вейзе. — Движеніе въ наукѣ (Пуфендорфъ, Юніусъ, Моргофъ, Томазіусъ, Вольфъ). — Гюнтеръ. — Галлеръ. — Гагедорнъ. — Готшедъ и его школа. — Геллертъ. — Глеймъ. *А. Киртичкова*. 749

14. Вѣкъ ложнаго классицизма въ Италіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Марини и его школа. — Тассони. — Буанаротти. — Сальваторъ Роза. — Тэсти. — Эпосъ. — Драма. — Кьямбера. — Королева Христина. — Филикайя. — Аркадійцы. — Вліяніе Франціи. — Метастазіо. — Гольдони. — Готци.

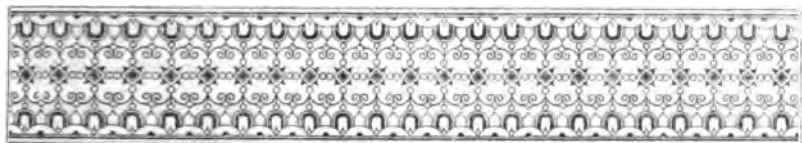
Испанія въ концѣ XVII в. — Антонио де Солисъ. — Начало XVIII в. — Люзанъ. — Иала. — Моратинъ и др. — Театръ

Португалія подъ властію Испанцевъ. — Освобожденіе. — Академія. — Проповѣдь. — Французскій классицизмъ. — Борьба направленій. *А. Киртичкова*. 782

ВѢКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ.

15. Англійская литература XVIII вѣка. Локкъ. — Деизмъ. — Шефтсбери. — Мандевиль и его „басня о пчелахъ“. — Дефоз и его Робинзонъ. — Свифтъ: его „сказка о бочкѣ“ и Гуливеръ. Стиль и Аддисонъ. — Поупъ. — Семейный романъ. — Ричардсонъ. — Фильдингъ. — Смоллетъ. — Стернъ. — Гольдсмитъ. — Шериданъ. — Джонсонъ. — Народность въ поэзіи: Бернсъ. *Алексыя Веселовскаго*. 802





НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

1. Литература болгаръ и сербовъ послѣ паденія независимости.

(Пособія тѣ же, что и для древняго періода).

Косовская битва 15 іюня 1389 года положила конецъ существованію сербскаго царства; четыре года спустя Болгарія раздѣлила участь Сербіи. Настали долгіе вѣка неограниченнаго господства османской орды, вѣка унижительнѣйшаго рабства и непроглядной тьмы. Народъ, подавленный непосильнымъ игомъ, разоренный и обезсиленный, сдѣлался жертвою самой безпощадной эксплуатаціи. Турецкіе правители выжимали изъ него послѣдніе соки; православная греческая (фанариотская) іерархія всѣми средствами старалась отнять у него духовное сокровище, лишить его сознанія національности, памяти о прошломъ, убить въ немъ человѣческое достоинство и обратить въ выюнный скотъ. Наболѣе сильные и богатые представители народа измѣняли ему, принимали исламъ и становились на сторону враговъ. Благодаря этому воздѣйствію турецко-фанариотской цивилизаціи, отъ котораго, въ силу своего географическаго положенія, болѣе всего страдала Болгарія, славяне Балканскаго полуострова вскорѣ почти вовсе утратили и тѣ скудные остатки просвѣщенія и письменности, какіе еще существовали у нихъ въ XV вѣкѣ. Паденіе Византіи (1453) окончательно лишило ихъ всякой надежды на чью-либо поддержку. Вскорѣ послѣ того на Балканскомъ полуостровѣ не остается уже ни одного уголка, гдѣ-бы турецкая власть не давала себя чувствовать. Возрожденіе наступило слишкомъ поздно, когда память о славной старинѣ почти совсѣмъ уже изгладилась, для болгаръ—въ наше время, для сербовъ—немного ранѣе.

Средневѣковая Болгарія, всецѣло погруженная въ аскетическія мечтанія «не отъ міра сего», не оставила намъ ни лѣтописей, ни историческихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ находятся указанія на лѣтописи, оправдывавшія образъ дѣйствій болгарскихъ царей по отношенію къ сосѣдямъ; но для насъ эти лѣтописи погибли, вѣроятно, потому, что не возбудили и въ свое время такого интереса, какъ книги религіознаго содержанія, поднимавшія и рѣшавшія самыя дорогіе для человѣчества вопросы. Единственные сохранившіеся до нашего времени историческіе памятники имѣютъ характеръ отрывочныхъ каталоговъ или родословій («Цароставникъ»). Или же это — компиляціи, составленныя на основаніи лѣтописей греческихъ или русскихъ и очень бѣдныя свѣденіями относительно самой Болгаріи. Единственный болгарскій историкъ является въ XV столѣтіи, уже послѣ паденія Византійской имперіи; его трудъ посвященъ, однако, не Болгаріи, а сосѣдней славянской странѣ — Сербіи.

Даже въ продолженіе трагическаго періода мусульманскаго нашествія богословіе продолжаетъ занимать въ литературѣ первое мѣсто; болгарскіе епископы изощряютъ стрѣлы своего тяжеловѣснаго и педантическаго краснорѣчія не противъ невѣрныхъ, а противъ еретиковъ. Количество монастырей увеличивается, — къ счастью для страны, такъ какъ послѣ турецкаго завоеванія монастыри становятся единственными убѣжищами утасающей національной мысли и безвозвратно гибнущей болгарской письменности. Болгарія той поры была настолько богата людьми учеными и книжными, что даже могла посылать ихъ въ другія славянскія земли. Таковъ былъ, напр., Григорій Цамблакъ, писавшій по-болгарски, по-сербски и по-русски, авторъ многихъ поученій и нѣсколькихъ житій, отличающихся византійскою напыщенностью и риторичностью слога, игуменъ сербскаго Дечанскаго монастыря, а впослѣдствіи (1416) митрополитъ кіевскій; таковъ былъ и Константинъ Костенчскій, прозванный «философомъ», авторъ замѣчательнаго житія сербскаго «деспота» Стефана, сына послѣдняго сербскаго царя Лазаря, которое заключаетъ въ себѣ и общій очеркъ сербской исторіи.

Бѣдствие, разразившееся надъ Болгаріей, не вызвало такихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ выразилась бы патріотическая скорбь писателей. Терновскій патріархъ Евѣмій, бывшій свидѣтелемъ смерти послѣдняго болгарскаго царя, Іоанна-Пишмана, и разгрома болгарской столицы, осажденной сыномъ Баязета, Челеби, занималъ въ исторіи своего времени очень видное положеніе, но ничего не разказалъ объ этой эпохѣ. Нѣсколько написанныхъ имъ житій болгарскихъ святыхъ не представляютъ почти никакого историческаго интереса. Важное значеніе для письменности не только

болгарской, но кирилловской вообще, имѣли его труды по исправленію текста священныхъ книгъ, сильно пострадавшаго отъ невѣжественныхъ переписчиковъ.

Такимъ образомъ, всѣ мысли болгарскаго народа были поглощены церковностью; она наложила на его развитіе особенный, сильный отпечатокъ и сообщила ему исключительное направленіе.

Но можно ли сказать, что этотъ однообразный, односторонній періодъ развитія былъ бесплоденъ? Конечно, нѣтъ. Ревностно занимаясь переводами византійскихъ богословскихъ произведеній, Болгарія помогала обогащенію литературы сосѣднихъ славянскихъ народовъ; сосредоточивая всю умственную дѣятельность на религіи и священномъ церковномъ языкѣ, она дала имъ силу и возможность пережить турецкій гнетъ и фанариотскую тираннію. Если, не взирая на всѣ бѣдствія, болгарскій языкъ, все-таки, продолжалъ существовать, — этимъ онъ обязанъ трудамъ средневѣковыхъ монаховъ, епископовъ и даже еретиковъ, о которыхъ мы говорили въ обзорѣ древне-болгарской письменности.

Съ паденіемъ политической самостоятельности Болгаріи, всякая умственная жизнь въ ней мало по малу совершенно прекратилась. Самый языкъ славянскій сдѣлался предметомъ гоненія со стороны усердныхъ фанариотовъ, желавшихъ стереть болгарскую народность съ лица земли; только въ трехъ или четырехъ монастыряхъ, да въ нѣсколькихъ, весьма отдаленныхъ отъ греческаго взора городахъ продолжали еще раздаваться звуки этого языка; но и монастыри, бывшіе нѣкогда центрами просвѣщенія, обратились мало по малу въ центры невѣжества, гдѣ систематически истреблялись славянскія книги и рукописи, уничтожалось все, что напоминало или могло бы напомнить болгарамъ о ихъ прежней исторической жизни и литературѣ, о ихъ связяхъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Даже и азбука славянская сдѣлалась, въ XVIII столѣтіи, совершенно неизвѣстною большей части грамотныхъ болгаръ, которыхъ вообще было, сравнительно, крайне мало, и которые усваивали съ греческимъ языкомъ греческій алфавитъ.

Болгарія, принимая непосредственно на себя всѣ удары турецкаго господства, такимъ образомъ, заслоняла отъ тирановъ Сербію, которая, благодаря этому, находилась въ болѣе льготныхъ условіяхъ. Турецкое правительство въ первое время послѣ завоеванія относилось къ сербской народности съ гораздо большею терпимостью, чѣмъ къ болгарской, и потому болгарскіе писатели, какъ Григорій Цамблакъ, Константинъ Костенчскій и ученики Евѣимія, имѣли возможность продолжать свою дѣятельность, переселяясь въ Сербію. Но затѣмъ и для сербовъ наступили тяжкія времена, когда административныя

гнетъ и религиозный фанатизмъ турокъ побудили сербовъ массами бѣжать изъ отечества и искать себѣ пристанища въ предѣлахъ Австріи. Положеніе оставшихся на родинѣ вовсе не благопріятствовало развитію литературы и вообще просвѣщенію; знаменитые старинные монастыри заглохли, и литературная дѣятельность въ нихъ смѣнилась простымъ переписываніемъ самыхъ необходимыхъ для богослуженія книгъ; народъ не имѣлъ средствъ къ умственному развитію, но не утратилъ своего національнаго самосознанія; напротивъ, оно постоянно поддерживалось и оживлялось упорною, героическою борьбою сербскихъ витязей съ турками. Гайдучество существовало и въ Болгаріи; и въ этой забытой, поработанной странѣ являлись отдѣльныя личности, ставившія себѣ цѣлью избивать притѣснителей и дѣйствовавшія, обыкновенно, небольшими отрядами (четами); но въ Сербіи оно пустило особенно глубокіе корни и, благодаря поэтическому складу народнаго характера, содѣйствовало особенному развитію весьма богатаго, живаго и своеобразнаго народнаго эпоса, которому подобнаго нѣтъ ни въ одной странѣ Европы.

Славяне въ самыхъ старыхъ историческихъ памятникахъ представляются племенемъ, особенно любящимъ поэзію и пѣніе. Славяне южные, и specially сербы, въ древнѣйшія времена имѣли богатырскія былины, прославлявшія подвиги и побѣды юнаковъ (витязей). Положительныхъ свѣдѣній объ этомъ древнѣйшемъ эпосѣ мы, правда, не имѣемъ; но если въ продолженіе столькихъ вѣковъ никакія обстоятельства, имѣвшія весьма глубокое вліяніе на жизнь, понятія и развитіе народа, не въ состояніи были ослабить творческій духъ южно-славянскаго племени, живущій и до сихъ поръ, то мы въ правѣ предположить, что тысячу лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, всякое важное событіе, отражаясь въ народной жизни, вызывало цѣлый циклъ эпическихъ сказаній. Содержаніе большей части сохранившихся до сихъ поръ старыхъ сербскихъ пѣсней таково, что переносясь мысленно въ очень отдаленныя времена, даже и въ языческую эпоху, мы не могли бы, съ этой точки зрѣнія, сдѣлать въ пѣсняхъ какія либо важныя поправки. Таковы въ особенности такъ называемыя «женскія» пѣсни, полныя самыхъ стародавнихъ воспоминаній.

Съ теченіемъ времени и форма пѣсней, и ихъ содержаніе измѣнялись. Славныя времена сербскихъ царей-Неманичей (XII—XIV вв.) оставили въ народной поэзіи глубокій слѣдъ, такъ что и до сихъ поръ въ устахъ пѣвцовъ живутъ еще чрезвычайно обстоятельныя, почти исторически вѣрныя сказанія о св. Савѣ и его отцѣ, объ основаніи монастырей въ Хилендарѣ, Студеницѣ, Михошевѣ; народъ до сихъ поръ поетъ пѣсню о Милутинѣ Урошѣ II и его неплодной женѣ, а лѣтописи сообщаютъ, что этотъ царь убилъ свою первую жену за

непосредственно и вообще обращался съ своими женами очень жестоко; народная пѣсня знаетъ и Стефана Уроша III, и трехъ братьевъ—Вукашина, Угleshу и Гойка, и сильнаго царя Душана. Мѣста, въ которыхъ дѣйствуютъ эти пѣсенные герои—всѣ историческія, всѣ до сихъ поръ красуются на картѣ Сербіи.

Слѣдовавшая затѣмъ эпоха борьбы съ турками породила длинный рядъ пѣсенъ, воспѣвающихъ отдѣльные эпизоды этой борьбы, начиная съ трагической Косовской битвы до позднѣйшихъ проявленій сербскаго и болгарскаго гайдучества. Героємъ цѣлаго громаднаго цикла былинъ является знаменитый королевичъ Марко, представитель коллективной мысли, чувства, дѣяній и идеаловъ сербскаго народа. Эти прекраснѣйшія и драгоцѣнныя произведенія народнаго эпоса имѣли благотворное вліяніе на народъ, поддерживая и постоянно возбуждая въ немъ память о давней сербской славѣ и жажду мести за насилія и всевозможныя оскорбленія со стороны мусульманъ. Рядъ подобныхъ пѣсенъ не прерывается и до настоящаго времени, захватывая все новые и новые факты и прославляя имена юнаковъ, безстрашно рубившихъ турецкія головы.

Народныя пѣсни у сербовъ слагаются и въ наше время такъ же, какъ слагались въ старину. Вотъ какъ описываетъ процессъ этого творчества извѣстный собиратель памятниковъ сербской народной поэзіи, Караджичъ: «Случится ли въ деревнѣ, въ области или вообще въ Сербіи какое-нибудь событіе, смѣшное или важное, напр. украдутъ у жениха невѣсту, убьютъ какого-нибудь гайдука, подерутся съ нехристями и т. п., не пройдетъ и недѣли, какъ пѣсня ужъ готова. Ктонибудь, обыкновенно человѣкъ среднихъ лѣтъ или старикъ, первый сымпровизируетъ слова на общенародный эпическій мотивъ, а затѣмъ, если воспѣваемый фактъ принадлежитъ къ числу обще-извѣстныхъ или, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ всѣмъ жителямъ данной мѣстности, то на другой день ее поютъ уже многіе, передѣлывая, измѣняя и дополняя, такъ что имя перваго слагателя тотчасъ же забывается. Пѣсня, хотя бы и самая древняя, не есть мертвый кладъ; ее всякій считаетъ своею собственностью и варьируетъ, какъ ему вздумается. Способъ пѣнія зависитъ отъ содержанія пѣсни; вообще можно сказать, что эпическія юнацкія пѣсни поются всѣ на одинъ ладъ, нѣсколько заунывнымъ напѣвомъ, съ однообразнымъ аккомпаниментомъ гуслей (однотрунный инструментъ, на которомъ играютъ смычкомъ). Поются онѣ не ради мелодіи, а ради содержанія. Если же пѣсня поется безъ гуслей, причѣмъ главное дѣло въ напѣвѣ, а на текстъ не обращается особеннаго вниманія, то это пѣсня—«женская», хотя бы ее пѣли и мужчины. Женскія пѣсни и размѣромъ отличаются отъ юнацкихъ. Гусли есть у всякаго, въ особенности же у пастуховъ;

во всей сербской землѣ нѣтъ мужчины, который бы не умѣлъ играть на этомъ нехитромъ инструментѣ, и очень многіе знаютъ по пятидесяти, даже по сту пѣсенъ».

Живой родникъ народнаго пѣснотворчества до сихъ поръ еще не иссякъ въ юнацкихъ мѣстностяхъ Босніи, Герцеговины, Черногоріи, южной Сербіи; на сѣверѣ этотъ духъ эпической импровизаціи уже ослабѣваетъ; въ Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ юнацкія пѣсни поютъ только нищіе слѣпцы.

Эта-то богатая и обильная поэзія и замѣняла сербскому народу письменность и литературу до того времени, когда историческія обстоятельства сдѣлали возможнымъ національное возрожденіе Сербіи. Литературная дѣятельность въ Сербіи и въ тяжелыя времена не прекращалась, но предѣлы ея были крайне стѣснены. Книгопечатаніе явилось здѣсь уже въ то время (1493), когда политическія силы Сербіи безнадежно погибли подъ нашествіемъ турокъ. Перечитывая предисловія и послѣсловія къ изданіямъ первыхъ сербскихъ типографовъ, мы видимъ, что сербы ухватились за печать, это могучее оружіе противъ всякаго мрака, — какъ утопающій хватается за первый попавшійся предметъ, въ надеждѣ оградить отъ гибели церковную и умственную жизнь народа. И дѣйствительно, книгопечатаніе поддержало на нѣкоторое время падавшія народныя силы; но оно не могло окрылить литературу и сообщить ей поступательное движеніе, не могло измѣнить прежняго направленія мысли. Народъ отнесся къ типографіямъ пассивно, и онѣ остались единичными, не связанными между собою явленіями; наука глохла и падала, а не шла впередъ. Книгопечатаніе, въ концѣ концовъ, должно было пасть, не достигнувъ своей цѣли, и литература осталась при тѣхъ же средствахъ, какія были въ ея распоряженіи въ средніе вѣка. Словомъ, труды старинныхъ сербскихъ печатниковъ и ихъ патріотическія заботы о распространеніи книгъ были въ области умственной жизни тѣмъ же, чѣмъ въ обыденной практикѣ были подвиги сербскихъ юнаковъ, — выраженіемъ личнаго протеста противъ турецкаго насилія и своеволія.

Первыми дѣятелями южно-славянскаго книгопечатанія были Юрій Черноевичъ и Божидаръ Вуковичъ, печатавшіе, преимущественно, церковныя и богослужебныя книги, кирилловскія и глаголическія. Съ паденіемъ сербскихъ типографій, въ продолженіе XVI—XVII столѣтій, книги доставлялись изъ Россіи, преимущественно изъ южнорусскихъ типографій, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи славянскаго просвѣщенія.

Итальянское возрожденіе на славянской почвѣ. Дубровницко-далматинская литература XV—XVII столѣтій.

Iv. Kukuljević-Sakcinski. Stari pjesnici hrvatski XV—XVI vijeka. 3 вып. Zagreb, 1856—58.

Šafařík, P. Gesch. der südslavischen Literatur. B. II. Prag, 1865.

Статья В. Ягича и Павича въ „Радъ“ Югослав. академіи наукъ и искусствъ (Rad juhosl. Akad. Znanosti i umjetnosti) 1869, т. IX и 1875, т. XXXI.

На далматинскомъ побережьи Адриатическаго моря, въ области, центральнымъ пунктомъ которой былъ знаменитый въ исторіи славянскаго юга городъ Дубровникъ (Рагуза), развилась, и въ XVI столѣтіи достигла высшаго своего процвѣтанія совершенно особая, своеобразная литература. Эта литература, пользовавшаяся тремя языками — латинскимъ, итальянскимъ и сербскимъ — хотя и черпала свое содержаніе отчасти изъ народной пѣсни, но своимъ развитіемъ обязана вовсе не этому источнику; точно такъ же никакой связи не имѣетъ она и съ старинной сербской книжностью. Источниковъ этой, совершенно отдѣльной, литературы слѣдуетъ искать внѣ сербской народности; что всего замѣчательнѣе, эта литература не была источникомъ и современной, новой литературы сербо-хорватской, такъ что между ними нельзя найти органической связи.

Для того, чтобы опредѣлить причины этого своеобразнаго характера и значенія дубровницко-далматинской литературы, обратимъ вниманіе на отношенія далматинскаго Приморья къ сосѣднимъ землямъ — чужимъ и южно-славянскимъ.

Далматинскіе города имѣли въ средневѣковой Европѣ совершенно иное и гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ теперь. Въ XV вѣкѣ Италія была самой цивилизованной страной въ Европѣ; Константинополь былъ центромъ обширной греческой имперіи и, не смотря на византійскій застой, все-таки, былъ центромъ умственной жизни, хранившимъ наслѣдіе древней образованности и литературы; черезъ Константинополь, кромѣ того, шелъ главный торговый путь на азіатскій Востокъ. Сухимъ путемъ караваны шли изъ Царьграда въ Венецію и въ остальную Европу черезъ Балканскій полуостровъ; такимъ образомъ, жители полуострова находились въ постоянныхъ сношеніяхъ, съ одной стороны — съ Царьградомъ и Салониками, съ другой — съ городами далматинскаго Приморья, откуда былъ открытъ